

Юлия Ефимова

КРУГОВОРОТ
БЛАГИХ
НАМЕРЕНИЙ

18+

Юлия Ефимова

Круговорот благих намерений

«Автор»

2024

Ефимова Ю.

Круговорот благих намерений / Ю. Ефимова — «Автор», 2024

ISBN 978-5-532-90536-8

Праздник зимний к нам идет, Каждый в мире чуда ждет, И под елкой
притаился дружный хоровод. Шамаханская царица Буратино не боится, Смело
танцевать к нему идет. Робин Гуд и Воевода встали в центр хоровода, Украшая
серпантином яркий звездолет. А Снегурочка под елью, вторя общему
веселью, Песни новогодние поет. Папа Петя, их создатель, не поймет, Кто здесь
предатель, Но сегодня Он его найдет!?

ISBN 978-5-532-90536-8

© Ефимова Ю., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	22
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Ефимова

Круговорот благих намерений

Приветствую тебя, мой дорогой читатель.

Сегодня я представляю тебе новую историю.

Все, что ты прочтешь в данной книге, – фантазия автора.

Все герои вымышлены, а любые совпадения случайны.

В этой книге, нет хороших или плохих людей, а есть просто люди.

Все как в жизни.

Не стоит копаться в деталях и кричать: «Так не бывает».

Конечно, ты прав, и эту историю я придумала, украсив ее деталями для остроты сюжета.

Хотя, прожив насыщенную событиями жизнь, я бы не стала утверждать так категорично.

Помни: эта книга написана для отдыха, устраивайся поудобнее – мы начинаем.

Ведь ты хотел как лучше – да?

Ты все давно за всех решил.

И нет сомнений и следа,

Вот только бы хватило сил.

Они нуждаются в тебе,

В твоих советах и мечтах.

Ты лучше знаешь в этой тьме,

Что за молитва в их сердцах.

Упорно мир их мастерить

Ты начал, тучи разводя,

Но позабыл у них спросить,

Нужна ли жертва им твоя.

Глава 1

Мало кто видел настоящую женскую дружбу, но почти все сталкивались со жгучей женской завистью. Я видела в своей жизни и то, и другое, но мне кажется, последнего больше.

Юлия Ефимова «Ненаписанная биография»

– Девочки, вы не представляете, какой он, – говорила Жанна. – Он такой идеальный... Шутит смешно, а ведь для мужчины главное не внешность, а чувство юмора. Пусть у него залысины и небольшое пузико, но вы бы видели, как он играет в футбол! На поле он Пеле. А еще застенчивый такой, лишний раз за руку не возьмет. Вот говорю вам все это, и сама себе завидую.

Подруги тоже завидовали, и Жанна это видела. Они вместе работали, на том и сдружились, но вот уже полгода как Жанна стала их начальником, и между подругами пробежала первая черная кошка. Вообще в последнее время она давала им слишком много поводов для зависти, но Жанна не умела дружить с девочками – все ее детство прошло среди мальчишек, и такого опыта у нее не случилось. Потому она была не в курсе, что такими темпами у ее подруг рано или поздно закончится терпение. Женщины труднее воспринимают успехи подруг, чем представители противоположного пола, которые в большинстве своем могут порадоваться за товарища совершенно искренне.

Сейчас, к примеру, они даже не могли скрыть раздражения от счастья, переполнявшего товарку, и маскировали его резкими вопросами.

– И что, ты поедешь отмечать Новый год с незнакомым человеком? А вдруг он маньяк, – возмутилась Сонечка, маленькая во всех смыслах девушка, которая до сих пор жила с мамой и котом. По вечерам они с родительницей ревниво делили внимание Афанасия, так звали животное, выясняя, чей же это все-таки питомец. По словам Сонечки, кот больше благоволил к ней, но ее мать по секрету рассказывала подругам дочери ту же историю.

– Почему с незнакомым? – возразила ей Жанна, не переставая улыбаться. – Очень даже знакомым. А что, мне в мои тридцать лет надо год в невестах ходить? – усмехнулась она немного наигранно, показывая, что Сонечке столько же, и что перебирать варианты в таком возрасте попросту глупо.

– Дело не в возрасте, а в элементарной безопасности, – обиделась подруга и стала еще больше похожа на ребенка.

– А я вот с Сонечкой согласна, – манерно поддержала подругу Марьяна и продолжила уничтожать Жаннино хорошее настроение: – Действительно, дело тут совсем не в возрасте, ты его знаешь всего десять дней, из которых вы встречались только три.

– Целых десять дней! – уточнила Жанна, по-прежнему улыбаясь, но в душе уже квакали противные лягушки, на образовавшемся там болоте.

– Так вот, представь себе, ты едешь с ним куда-то в глушь, а он оказывается маньяком и зверски убивает там тебя, – и, подумав, добавила – предварительно надругавшись. Я считаю, что это просто глупо и опрометчиво так вести себя. Тебе только тридцать, это не приговор, не обязательно так рисковать жизнью ради мифических отношений, которые могут еще и не сложиться, – очень злорадно подвела итог своей тирады Марьяна, словно говорила не о предполагаемой кончине подруги, а пересказывала сюжет занимательного сериала.

Жанна не могла поверить, что зависть может так менять людей. Еще недавно это были самые близкие и родные ей люди. Они по вечерам встречались у Жанны дома в ее маленькой съемной квартире, пили чай или вино, смотрели старые фильмы и делились новостями, что

принесли одиноким девушкам последние дни. Но, конечно же, чаще всего обсуждали мужчин с работы, коих там было множество.

Сейчас же перед ней сидели две отвратительные старые девы, злящиеся оттого, что их стройный ряд вот-вот понесет потери.

– А я рискну, – заявила Жанна, уже не пытаюсь найти с подругами общий язык. – мне тридцать. Последние стоящие отношения у меня закончились год назад, да и то катастрофой с потерей любимой мультivarки, которую Василий забрал, когда уходил к своей пассии. Что меня ждет в Новый год? Скучные разговоры с вами о том, что нам и так хорошо, что нам не нужны никакие мужики. Так вот, это все неправда, мир так создан, что мужчина должен быть с женщиной, а женщина – с мужчиной. Он просто неинтересен, если это не так, и дело даже не в сексе. Просто женщина энергетически гаснет, если не питается энергией мужчины. Я не могу – вы понимаете? – не могу обмануть маму, я ей обещала, что непременно найду свою любовь, а я всегда иду до конца. Поэтому, милые мои подруги, я поеду и буду там счастлива, как бы вам от этого ни было плохо.

– Ну и сука же ты, – скривила губы Марьяна и, прихватив сумочку, выскочила из-за стола.

– Я от тебя, Жанночка, такого не ожидала. Мы переживаем за тебя от всей души! Неужели ты и правда думаешь, что мы завидуем и хотим, чтоб ты была одинока? – выдала осуждающе Сонечка и проследовала за первой подругой.

Они сидели у огромного панорамного окна с видом на засыпанную снегом Москву, и потому оставшаяся сидеть за столом Жанна могла наблюдать, как девчонки, получив в гардеробе свои пуховики, демонстративно не глядя в сторону кафе, поплелись к мелькающей вдалеке станции метро. Марьяна шла, гордо подняв голову, и, скорее всего, жутко материлась, а Сонечка, схватив подругу под руку, смотрела на нее снизу вверх, по обыкновению соглашалась со всем и успокаивала резкую товарку.

«Плевать, – подумала Жанна. – Если я сейчас останусь с ними, то это уже навсегда. Лучше жалеть о том, что сделал, чем о том, на что так и не решился».

Она взяла телефон и написала в мессенджере:

«Привет, завтра все в силе?»

Ответ заставил ее в сотый раз убедиться, что она права.

«Конечно».

Когда Жанне исполнилось двадцать семь, мать вручила ей все накопленные с отцом средства, купила билет и отправила в Москву.

«Уезжай, – сказала она дочери. – В нашем городке с наперсток, где все друг друга знают, счастья тебе уже не найти. Москва город большой, да к тому же одинокий. Там мужчины за своей погоней за успехом забывают про жизнь, вот такого и ищи. Себя осчастливишь и его заодно. Только будь более женственной и покладистой. Женщина, она как кошка, с ней должно быть комфортно хозяину, гладить обнимать и слышать урчание».

Тогда Жанна пошутила, что женщина-кошка не ее амплуа, она, скорее, женщина-рысь, но очень постарается притвориться.

Сначала она даже немного обиделась на родительницу, словно бы та выгнала взрослую, нелюбимую дочь из дома. Но потом, увидев, как мама на перроне давится слезами, чтоб не завывать в голос, все поняла. Она это делала именно от большой любви к ней, с болью от расставания и одиночества, лишь бы ее дочка стала счастливой.

Потому что, идя по одной и той же дороге, нельзя добиться нового результата, хочешь или нет, ты всегда придешь в одно и то же место. Мечтаешь прийти к другому – смени дорогу, пойди огородами, полями, лесами, главное, не так и не там, где ты ходил до этого. Вот мать и отправила свою старшую дочь другим путем, не обращая внимания на свою родительскую боль.

Завтра Новый год, и Жанна намерена провести его с мужчиной, весело и по возможности счастливо. При этом девушке совершенно неважно, куда ее пригласит ее новый ухажер. Она открыта новой любви и новым приключениям на все сто.

Правда противная мысль, что подруги правы, и она, мечтая об отношениях, сама придумала себе нового жениха, наполнив его самыми восхитительными качествами, какие могли быть у мужчины, начала точить девушку, где-то внутри не давая насладиться моментом.

Ангел Эммануил, который в это время сидел на елке в этом украшенном к Новому году кафе, тяжело вздохнул, понимая, что у него впереди много работы. Первое задание оказалось жутко трудным, и он очень боялся его провалить.

Глава 2

Правила мы пишем себе сами, и жизнь порой зависит лишь от того, плохой ты писатель или хороший. Я за свою жизнь меняла правила сто раз, каждый раз клятвенно обещая себе, что это последний.

Юлия Ефимова «Ненаписанная биография»

В большом здании из бетона и стекла было непривычно тихо. Корпоратив отгремел вчера, и сегодня на работу пришли только те бедолаги, кто не успел доделать свои дела перед длинными новогодними выходными. Естественно, был на месте и руководитель холдинга «Визави» Валерий Вируот. Он находился на работе всегда, сейчас мужчина не мог вспомнить и дня, когда бы он отсутствовал. Даже когда в ноябре весь офис скопил грипп, то единственным из руководства на месте был только он.

– Шефа даже грипп не берет, потому что он не человек, а робот – шутили тогда в офисе, хихикая за его спиной.

Нет, Валера не был железным человеком, просто работа была для него всем. Она лечила, она наполняла жизнь смыслом и помогала не утонуть в воспоминаниях.

После той ужасной катастрофы, в которой погибла Лея, только работа спасла его и возвращала к жизни. Валерий так окунулся в нее, словно бы его усилия могли изменить те страшные события, словно бы он мог этим вернуть Лею.

В своем рабочем запое мужчина даже не заметил, что прошло целых десять лет.

В кабинет, постучав для приличия, вошла Наташа, его секретарь, правая рука и по совместительству двоюродная сестра. Единственная родная душа, что осталась у него на этой планете.

– Можно? – спросила Наташа, но это была лишь формальность. Сестра очень тонко чувствовала, когда можно, а когда нет.

– Конечно, – оторвался от бумаг Валерий. – Кстати, хотел напроситься к вам на Новый год, – сказал он непринужденно, но на самом деле, Валера тренировал эту просьбу с разными интонациями целый день. Как сильный и независимый мужчина он очень не любил показывать слабость, а это была именно слабость.

– Прости, – перестав улыбаться, ответила Наташа, – мы сегодня все вместе уезжаем к Гошиным родителям под Калугу. Девчонки, – у сестры были две чудесные пятилетние близняшки, – уже собрали чемоданы и ждут только моего возвращения, чтоб прыгнуть в машину и отчалить. А хочешь, – вдруг оживилась она, – поехали с нами. Все будут тебе очень рады.

От жалостливого тона сестры стало только хуже.

– Не переживай за меня, – через силу улыбнулся Валерий, старательно игнорируя тошнотворный привкус стыда, – позвоню кому-нибудь из друзей.

И эта ложь усугубила ситуацию. Сестра прекрасно знала, что все друзья у Валеры и Леи были общие, и после смерти жены он прекратил с ними любое общение. За десять лет наверняка сменились телефоны, потерялись адреса, да и, возможно, желание с ним общаться.

Наташа вышла на минуту из кабинета и, вернувшись, положила перед Валерой визитку.

– Вот, – объявила она.

– Ты на полном серьезе предлагаешь мне встретить Новый год с проституткой? – немного истерично засмеялся Валера. – Я еще не настолько пропащий человек.

– Это не бордель, – покачала головой Наташа, – это агентство друзей. Не эскорт в его привычном понимании. Здесь можно заказать себе друга или подругу на час, на день, на сутки. С другом можно выпить, поговорить, сходить в бар или на стадион посмотреть игру. Но самая

фишка, что люди на сайте все настоящие, не работники агентства, а простые смертные, кому нужен дополнительный заработок.

– Боже, до чего мы дожили, – хмыкнул Валера.

– Смотри, – Наташа подошла и открыла на его компьютере сайт, – это настоящие врачи, учителя или вот экскаваторщик даже есть, его сильные стороны – «умеет оригинально материться». Они так подрабатывают. Можно даже войти как участник, ну вот, к примеру давай с тобой заведем аккаунт, чтоб ты понял, что все по-честному. Почта, телефон, фото, давай по приколу твое. Профессия... Так, кто ты у нас будешь?

– Ну, я по первому образованию юрист, – принял правила игры Валерий, продолжая поражаться, куда катится этот мир.

– Точно! – воскликнула она радостно. – У тебя даже детективное агентство осталось. Я тебя еще спрашивала, будем закрывать, а ты ответил, что не стоит, вдруг пригодится. Как в воду глядел, – похвалила его сестра. – Там ведь врать нельзя, все проверяется по реестрам всяким, сайтам и так далее.

– Так серьезно все, – по-прежнему пытался отшутиться Валера, все еще чувствуя, как тошно внутри от того, что показал Наташке слабость.

– Окей, вот тут надо диплом прикрепить, – продолжила весело Наташа, видимо, понимая все чувства брата и деликатно стараясь не акцентировать на них внимание. – Вот и все! – Ее пальцы бегали по клавиатуре. – Эту платформу создал друг Гоши, и она очень успешно работает. Кроме того здесь же берут заказы на целые постановки, это, конечно, дорого и не всем по карману, а вот «друг» – вполне приемлемо. Смотри, я отправляю, программа проверит твои данные – и оп-ля! Пришло подтверждение, только надо ответить на несколько вопросов, например, можешь ли ты встретиться в Новый год и есть ли предпочтения по полу друга или знаешь ли ты анекдоты, но это уже мелочи. Сейчас я удалю анкету, все.

Наташа нажала какие-то еще кнопки и посмотрела на Валеру с нежностью.

– А ты, Валера, можешь позволить себе целую компанию: один будет травить анекдоты, другой пить, а третий драться. Поэкспериментируй, не бойся. Да, у тебя так сложилась жизнь. Но ты сам в последнее время тоже очень поспособствовал этому, после трагедии с Леей ты загнал себя в один большой вакуум работы. Ты знаешь, когда мы с классом ходили в бассейн, я единственная боялась прыгать с жутких трех метров. Но однажды я подошла и сделала первый шаг. Именно тогда я поняла, что он и есть самое страшное. Попробуй измениться, познакомься с кем-нибудь. Прыгни.

– Наташ, не говори глупости. Где и с кем мне знакомиться? На работе, где каждая симпатичная мордочка прогибается под тебя, просто потому, что ты босс. Мне противно их наигранное жеманство, в глазах каждой я вижу одно слово – «деньги». Мне почти сорок.

– Тридцать шесть, – поправила его сестра.

– Какая разница, – отмахнулся Валера.

– Огромная! – упорствовала она.

– Главное я понимаю, что без денег не являюсь мечтой двадцатилетней красотки, а папином быть не хочу, – закончил он свою мысль, стараясь поставить точку в разговоре.

– Знаешь, – сказала Наташка, глядя ему в глаза, – жизнь может измениться только в одном случае – если ты сделаешь шаг в сторону. Да, это страшно, но только так, Валера, можно вернуть вкус жизни.

– Мне это не нужно, – он старался говорить как можно мягче. – Не переживай за меня, я справлюсь. Возьму пару бутылок вина, напьюсь, послушаю президента и буду спать. А уже первого выйду с дежурной группой – и все. Новый год, новые дела, кофе по утрам, вечером новости под бокал кьянти. Все пойдет по кругу. Я уже был в этой жизни счастлив.

Валера долго размышлял об этом по ночам; днем хорошо, днем есть работа, а вот ночью все мысли, что ты гнал от себя, уже выстроились и ждут своего часа. За такие ночи он успел прийти к выводу, что всем выпадает определенная норма счастья.

– Просто представь некий сосуд, – зачем-то попытался он объяснить, – но у каждого он наполнен по-разному, ни больше не меньше, столько, сколько тебе отмерено судьбой, Богом, кем угодно. И вот когда последняя капля из этого графина выпита, то все, трясги его, не трясги – он пуст. Теперь ты должен до конца жизни хранить воспоминания о пережитом тобой счастье.

– Как знаешь, – вздохнула сестра, – но я считаю, что каждый сам решает, какова его норма, на чайную ложку, на столовую или на пятилитровую кастрюлю. И вообще, для того чтобы что-то иметь, ты должен это что-то себе разрешить. А ты запретил себе быть счастливым и поставил сургучную печать. Начни с малого, сорви сургуч, он уже там задубел за десять лет. Это будет непросто, но ты попробуй, прошу тебя. Я уверена, что Лея тебе сказала бы тоже самое.

Наташа поцеловала его в щеку и убежала к своей семье, а Валерий, глядя в окно на заснеженную Москву, где люди как муравьи суетились, готовясь к главному празднику года, не мог выкинуть из головы жалостливый взгляд сестры.

Он очень не любил, когда его кто-то жалел, считал это самым страшным унижением, но в этом случае Наташку понимал – ситуация в его жизни и впрямь зашла в тупик. Да, в удобный, возможно, даже комфортный, но приторный, как кисель в институтской столовой, который так любила Лея и ненавидел он.

В окне он увидел свое отражение и подумал, что такого себя уже и не может представить рядом со своей женой. Не только Лея навсегда останется двадцатишестилетней девушкой, но и он, тот Валера тоже навсегда останется молодым. На него же из окна смотрел мужчина, возраст которого начинает проступать на лице. Среднего роста, славянского типажа, русоволосый – никаких особых примет, человек-невидимка. Такого очень трудно выделить в толпе и запомнить. Хорошая внешность для разведчика или опера.

В тишине кабинета неожиданно пикнул компьютер.

«Странно, – подумал Валера, – тридцатое декабря, вечер. Кому я нужен, работа у всех закончилась еще вчера».

Но, подойдя к монитору, понял, что это пикает тот самый сайт, который так рекламировала Наташка. На экране горела надпись: «не получилось удалить аккаунт, попробуйте еще раз». Ярко красная кнопка призывно мигала, предлагая нажать.

Сначала Валера потянулся к экрану, но вдруг остановился. Бредовая мысль, подсаженная сестрой, засуетилась в голове, требуя все обдумать. Давно забытое чувство, что-то сродни интересу заиграло внутри. Валера покружил у стола, потом подошел к бару, налил себе бокал вина. Совсем не интеллигентно осушил его залпом, чего за ним не замечалось ранее, и, словно приняв решение, очень уверенно сел за стол. Но вместо кнопки удалить выбрал опцию «отправить анкету на проверку». Система была еще не готова к этому и спросила его, сможет ли он подработать другом в Новый год.

– Только в Новый год и могу, – пробормотал Валера и, поставив галочку, попытался вновь отправить анкету.

Но та оказалась не до конца заполнена, потому что требовала ответа, сколько Валера хочет получить в качестве вознаграждения. К ответу была прикреплена шкала от «бесплатно» до «очень дорого».

– Золотая середина, – рассудил он вслух, – всегда надо придерживаться баланса, – и выбрал нужный вариант. На этот раз анкета ушла, перестав вредничать и требовать чего-то еще.

Валера усмехнулся, он словно бы сейчас сделал то, о чем говорила Наташка, – прыгнул с вышки, и внутри затеплилось давно забытое ощущение драйва.

– Ну, даже если это не принесет никаких результатов, я хотя бы попробовал, – вновь усмехнулся он и, выключив компьютер, впервые за десять лет с улыбкой направился домой, в серую холостяцкую квартиру, пусть и размером со школьный спортзал.

Глава 3

Главное, чтоб рядом был человек с чувством юмора, как у тебя, ну, или, на худой конец, просто с чувством. Я обожаю людей, умеющих смеяться не только над другими, но и над собой, считаю это высшим пилотажем.

Мне же данная функция дается тяжело.

Юлия Ефимова «Ненаписанная биография»

– Завтра соберутся все, – почему-то не слишком весело сказал Петр. – Я так долго и старательно к этому готовился. Все будет немного наиграно, как в дурацком детективе: большие деньги и много родственников. Только с условием, что убивать меня не имеет никакого смысла, это сделала за них жизнь...

– Не говорите глупости, – фыркнула Ветта, – вы проживете еще сто лет. Да и не родственники они вам вовсе.

– Я бы выгнал тебя, если бы ты сказала иначе. А насчет того, что не родственники – тут ты не права. Ближе этих людей в моей жизни никого не было. Они, конечно, все корыстные подонки, но, как говорится, это мои подонки. С ними я прошел огонь, воду и медные трубы. Эти люди оставались рядом в самые трудные моменты моей жизни. Я знаю цену каждому из них, именно я сделал их своей семьей. Те или иные обстоятельства вышвырнули их на обочину жизни, как какой-то мусор, я же подобрал их и дал второй шанс. Все, кто будет завтра здесь, воспользовались им, и они не забудут мне этого никогда, благодаря меня всю жизнь. По крайней мере, мне хочется так думать.

– Людская благодарность – самое короткое чувство, и оно имеет свойство перерастать в ненависть, – философски заметила Ветта, вешая на елку очередное украшение. – Мой папа всегда говорил, что сильнее всего тебя ненавидит тот человек, кому ты сделал больше всего одолжений. Потому что каждое твое одолжение говорит человеку о том, насколько он ничтожен по сравнению с тобой.

– Возможно, твой папа был в чем-то прав, но тут особенные люди и общие правила на них не распространяются. Тут акулы, слоны, львы и леопарды, и им плевать на чувства, для этих людей существуют лишь выгода и преданность стае. Я чувствовал это, когда брал их в свою семью, да и потом, я растил их такими. Мне всегда казалось, что только такие побеждают и добиваются успеха.

– Очень интересно будет познакомиться с этими людьми, вы мне твердите о них почти год, – сказала Ветта, водружая на небольшую елку макушку.

В огромной гостиной с потолками под четыре метра елка смотрелась игрушечной, но Петр принципиально не хотел большую и даже потребовал отпилить половину, когда водитель привез, по его словам, громадное дерево. Высокие елки напоминали ему о детском доме и вызывали страх.

– Не думаю, что они захотят с тобой знакомиться, – ухмыльнулся Петр. – Ты для них обслуживающий персонал, не больше.

– Ты же знаешь, что нет ближе человека, чем сиделка, она знает о своем подопечном все, а если работа затягивается, то вообще становится родным человеком. Было много случаев, когда мужчины женились на своих сиделках, поэтому я бы не зарекалась, – было видно, что Ветта шутит, и именно этим она нравилась Петру. За три года болезни он успел сменить уже три десятка сиделок, и только толстушка Ветта продержалась почти год.

– Ты слишком стара для меня, – решил съязвить Петр. – Мне только шестьдесят исполнится, а ты уже шестьдесят пять отметила.

– Ну, разве пять лет разницы – это проблема? – отмахнулась она, выбирая из коробки, какую бы еще игрушку повесить на елку. – Да и выгляжу я неплохо, вон, смотри – ни одной морщины! – она выпятила свое круглое лицо, словно бы предлагая удостовериться в данном факте.

– Морщин у тебя нет, потому что ты толстая, – грубовато ответил ей Петр, но Ветта и не подумала обижаться.

– Не толстая, а аппетитная. У нас в Якутии, откуда я родом, есть такая поговорка: «Даже травы и деревья бывают разной вышины».

– И в чем мудрость? – продолжал шутить Петр. Ему первый раз за много лет было хорошо.

– А в том, что в природе не бывает ничего одинакового, прелесть мира в его разнообразии. Человек тоже творение природы, но мы почему-то пытаемся подогнать себя под какие-то стандарты. А ведь каждый из нас – чудо, каждый уникален и неповторим. Ты только представь, если бы мы все ходили бы по планете одинаковые! – маленькая кругленькая якутка очень заразительно засмеялась, Петр не удержался и тоже улыбнулся. – Я вот, например, такая и родилась, – похлопала она себя по бокам.

– Мне жаль твою мать, – хмыкнул Петр.

– Не стоит, она была больше меня раза в два, – парировала Ветта.

Ему казалось, что эту шестидесятипятилетнюю женщину ему послал сам Бог. Когда три года назад Петр Петрович Проханов пережил второй инсульт и слег, ему стало казаться, что мир стал черно-белым. Все эти сиделки, которых постоянно находил ему секретарь, были или сухарями, бездушно исполняющими свои обязанности, или жалостливыми святошами, которые усугубляли своим отношением и без того прискорбное положение. Они все были из крутых агентств, с кучей рекомендаций. Однажды Петру стало очень плохо, и пришлось вызывать скорую, обычную скорую, потому как в отличие от платной она приехала через двадцать минут.

Вот тогда Петр и увидел Ветту впервые. Она вошла и приказала распахнуть все шторы.

– Вы чего тут завесились? На том свете насмотритесь на черноту, а сейчас надо на солнышко любоваться. И так день короткий, вам бы к нам в Якутию, знали бы, как солнце ценить надо.

Поставив несколько уколов и велев сиделке подвинуть кровать к окну, она поразила отсутствию инвалидного кресла.

– В смысле, вы не вывозите его на воздух? А что он у вас делает, в потолок смотрит?! – почти кричала она на сиделку. – Тут любому плохо станет, даже здоровому. Ты бы эту дуру уволил, – по-свойски сказала она тогда Петру, – может, и проживешь еще лет десять. Да не тоскуй ты, жизнь мы себе сами устраиваем, а болезнь – это так, лишь сопутствующие обстоятельства.

Когда скорая уехала, Петр первый раз сел в кровати сам. Потребовал чаю с малиной и секретаря. Первым делом он приказал купить ему самую лучшую коляску со всеми возможными наворотами, обустроить возле дома пандус и дорожки для прогулок, но самое главное – уволить нынешнюю сиделку и разыскать фельдшера скорой помощи, что приезжала к нему на вызов, и уговорить работать на него. Естественно, за солидное вознаграждение.

Так в феврале в его доме появилась Ветта, и жизнь почти вернулась к парализованному Петру. Ветта изменила его мировоззрение. Петр понимал, что инсульт не ходит в одиночестве и что еще один он попросту не переживет, поэтому решил, пока жив и чувствует себя относительно хорошо, пока рядом с ним его ангел Ветта, сделать то, о чем давно мечтал, но не решался. А также наконец понять, ну, или признаться себе, что всегда знал, кто же в созданной им семье, тогда, двадцать лет назад оказался предателем. Снегурочка, Буратино, Царица, Робин Гуд, Воевода или все сразу – кто хотел его смерти?

Петр Петрович Проханов целый год готовился к этой встрече, и вот, за несколько часов до нее, страх разочароваться наполнял его душу. Понимая, что скоро отправится на небо, он точно знал, что хотел бы еще раз испытать – радость от встречи со своими названными детьми. Но, несмотря на предвкушение, и огромное счастье от предстоящей встречи Петр очень боялся по-отечески разочароваться в них. Предвкушение и страх – эти два чувства разрывали его последние дни.

– Таня, включи елку и погаси верхний свет, – произнес Петр громко.

Его команда была тут же исполнена.

– Ужас, – вздрогнула Ветта. – Все никак не могу привыкнуть к вашему дому. Как будто чертовщина здесь какая творится.

– Не говори как старая бабка, – поморщился он, – это всего лишь умный дом. – И добавил с хитрой улыбкой: – Возможно, самый умный в Москве.

Дневник

Воспоминания Петра Петровича Проханова

Москва

31 декабря 1991 года

Снегурочка.

Петя был единственным, кто после детского дома отправился в собственную квартиру. Про остальных он ничего не знал, да и, если честно, не хотел знать. В отличие от большинства товарищей по несчастью Петр попал в детский дом не с рождения. У него были и папа, и мама и даже бабушка с дедушкой. Были семейные вечера за круглым столом под зеленым абажуром, где родители играли с гостями в преферанс, курили сигареты – обязательно в мундштуке – и рассказывали интересные истории. Маленький Петя, чтоб почувствовать себя причастным, готовил для них концерт, где читал стихи, пел и танцевал, заполняя, как ему казалось, вынужденные паузы в игре.

Только сейчас он стал понимать, что на самом деле родители терпели все его песнопения исключительно из любви к своему отпрыску, а гости – из уважения к хозяевам дома, но тогда ему так не казалось. Одна песенка и вовсе до сих пор крутилась в голове, и Петя даже иногда ее напевал.

– Праздник зимний к нам идет,
Каждый в мире чуда ждет,
И под елкой притаился дружный хоровод.

Шамаханская царица Буратино не боится,
Смело танцевать к нему идет.

Робин Гуд и Воевода встали в центр хоровода,
Украшая серпантином яркий звездолет.

А Снегурочка под елью, вторя общему веселью,
Песни новогодние поет.

Он долго не мог вспоминать эти праздники, чувствуя, что его предали, бросили, но с возрастом стал дорожить каждым образом прошлого, которое так и норовило ускользнуть из памяти навсегда. То, что, казалось, было его собственностью, сейчас расплывалось, словно в дымке, норовя совсем раствориться и исчезнуть.

Например, празднование Нового года. Это всегда было событие, которое предвещало множество сюрпризов. Елка, подарки и, конечно же, торт-мороженое, который умела делать только его бабушка, по образованию кулинар-кондитер.

Все закончилось в 1976 году, когда Пете исполнилось двенадцать лет. Был один из тысячи похожих вечеров: родители, бабушка с дедушкой и гости – две семейные пары. Как всегда, играли в преферанс, шутили, выпивали. Когда засиделись за полночь, маленького Петю отправили в кровать. Все. Больше никого он живыми не видел.

Утром он найдет их всех за столом и еще долго, как ему самому казалось, чересчур долго будет пытаться всех разбудить, не обращая внимания на открытые глаза бабушки и как-то жутко запрокинутую голову папы. А еще будет долго спрашивать у мамы, почему у нее на пальце нет того волшебного кольца, которое подарил ей папа на свадьбу и которое должно было защищать его семью – почему-то двенадцатилетнему Пете это было тогда очень важно. Спасли его от сумасшествия детская психика, которая запретила воспринимать действительность, и папин водитель, что, не дождавшись начальника в машине, поднялся в квартиру.

Тогда ему никто ничего не рассказал. «Отравили», – только и слышал он из обрывков разговоров взрослых.

Когда же в 1981 году Петя вернулся из детского дома в ту самую квартиру, то первым делом выбросил стол, который по-прежнему стоял в центре гостиной, оставив лишь зеленый абажур. Не сошел он с ума и на этот раз, видимо, психика по-прежнему оберегала своего хозяина и не давала уйти в нереальный мир. Две недели семнадцатилетний мальчишка драил каждый сантиметр огромной трехкомнатной квартиры в Москве, словно бы смывая не пятилетнюю пыль, а накопившееся за годы горе. Петр старался стереть саму память о произошедшей здесь трагедии, оставив лишь светлые воспоминания.

Участковый дядя Ваня, который по-прежнему работал на их участке, смилоstinился над парнишкой и рассказал, что же тогда произошло. Оказалось, что виной всему был коньяк, в котором эксперты обнаружили яд – именно он моментально убил всех с первой рюмки. Кто его принес и почему его выпили все, даже бабушка, которая очень редко употребляла алкоголь, участковый сказать не мог. Потому что тогда, в 1976 году, следствие зашло в тупик, и дело закрыли, списав все на несчастный случай.

Страна начала разваливаться, потихоньку, как старый шкаф – то дверь перекосит, то полка прогнется, а того гляди и вовсе ножка не выдержит веса и надломится.

Петра это пока не коснулось, но он всей кожей чувствовал, что скоро плохо будет всем, и этот неуклюжий старый шкаф похоронит под собой остатки страны. СССР на прошлой неделе перестал существовать, и об этом гордо объявили всей стране, будто это великое достижение. Пете же казалось, что это только начало, и падение в пропасть этой страны, как бы она теперь ни называлась, уже не остановить. От этого становилось страшно и как-то тошно, словно бы не было того самого светлого будущего, которое им всем, советским людям когда-то обещали.

Петя уже восемь лет работал в ресторане «Метрополь». Покинув детский дом, молодой человек окончил кулинарное училище, и был распределен в столовую Киевского вокзала. Там по причине его молодости, ему не давали ничего готовить, поста-

вив вечно чистить картошку и быть на «посылках». Именно там, когда он грустно раскладывал хлеб, и заметила его заместитель директора ресторана «Метрополь». Позже Петя понял, что это было провидение, которое занесло такую шикарную даму в их столовку. Стечение обстоятельств, и вот она уже пристально вглядывается в молодого парня.

– Ты здесь повар? – поинтересовалась она его, потянувшись к куску красиво нарезанного Петей хлеба.

– Я здесь принеси-подай, – устав от вечных нападков со стороны «старожилов» столовой, Петр зачем-то ответил чужому человеку предельно честно.

– Хочешь работать по своему профилю, только в приличном заведении? – спросила она серьезно.

– Поваром? – удивился Петя.

– Нет, – усмехнулась женщина, – принеси-подай. Предлагаю тебе работу официантом в «Метрополе». Испытательный срок проходишь и работаешь в центре Москвы в лучшем заведении страны. Да или нет, отвечай сейчас и завтра с трудовой у меня. Здесь я договарюсь, оформим переводом, контора одна.

Позже Пете коллеги по цеху рассказали, что в «Метрополе» произошел закулисный скандал. Заместитель директора Регина Сергеевна застала своего мужа-администратора с официанткой и вовсе не за разговором. Муж, конечно, был поруган и поставлен на вид, девушки же, абсолютно все, независимо от возраста, были уволены в тот же вечер за компанию с непорядочной товаркой. Дело было сделано на эмоциях и только после пришло понимание, что в штате образовалась огромная дыра, и ее надо было немедленно восполнять, чтоб не возникло лишних вопросов о превышении полномочий.

Именно в этот период и встретился ей на пути Петя, так красиво раскладывающий хлеб в столовой у Киевского вокзала. Провидение, не иначе.

Петя знал, что это родители с небес помогали ему, и ухватился за шанс обеими руками. Работал он хорошо, быстро учился и нравился посетителям своей широкой, советской улыбкой совершенно счастливого человека, за что неоднократно получал на чай.

Но вот людей по-прежнему к себе не подпускал. На работе дружил, но не более. Девушки, как и жены в свои двадцать семь лет Петр так и не имел. А где знакомиться? Коллеги сплошь мужчины, не считая бухгалтера Зинаиды Васильевны, дамы довольно преклонного возраста и ее ровесницы посудомойки тети Нади. А кроме работы Петя никуда и не ходил. Именно поэтому, закончив свою смену, он неторопливо шел домой.

Сегодня было тридцать первое декабря. Ему не хотелось уходить с улицы, такой праздничной и веселой, где люди совершенно искренне поздравляли встречаемых незнакомцев с Новым годом. Среди толпы казалось, что ты не одинок и то новое счастье, которого они тебе желают, обязательно случится. Поэтому он решил не спускаться в метро, а дойти до дома пешком, чтоб еще немного продлить это ощущение. Время уже перевалило за полночь, но людей на улицах было настолько много, что казалось, это день, и солнце просто забыло взойти.

Именно в таком настроении Петр поднимался по лестнице в свою квартиру. Он уже предвкушал свой личный праздник – в гостиной стояла наряженная елка, а на балконе дожидался своего часа сделанный по бабушкиному рецепту торт-мороженое. По обыкновению он включит все гирлянды и, сев под елкой, будет замороженно рассматривать игрушки на ней. Это был целый мир, где улыбочивый заяц дружит с запасливой белкой, а внизу, на нижних ветках их поджидают волк из «Ну, погоди!»

и рыжая лиса, в своей короткой юбке и высоких сапогах похожая на проститутку с улицы Горького, ныне Тверской. Ее переименовали летом прошлого года, и Петя все никак не мог привыкнуть к новому названию. Это был мир детства, где Петя был по-настоящему счастлив, где были живы родители, а сама жизнь казалась сказкой.

– Пи-пи-пи, – звук выдернул из фантазий, и Пете подумалось, что это пищит котенок, так жалостливо и так тихо, что сердце не выдержало.

«Может, покормить его хотя бы», – пронеслась в голове мысль. Взять животное к себе он не мог, потому как много работал.

С намерением сделать доброе дело, он пошел на звук, но от увиденного впал в ступор.

Под лестницей, где во времена его детства стояли велосипеды и коляски, а сейчас валялся какой-то мусор, сидела маленькая Снегурочка и плакала.

– И где он? – спросил Петя хныкающее чудо.

– Кто? – откликнулась девочка.

– Дед Мороз, конечно! Ты же из-за него плачешь? – улыбнувшись, ответил Петя, стараясь развеселить Снегурочку, но от его слов она заплакала еще горше. Первый раз он не знал, что делать. Как обычно, развернуться и уйти от чужой, ненужной ему беды, забыть и пройти мимо, повторяя: «Это не мое дело?». Почему-то ноги словно вросли в пол и не давали хозяину это сделать.

– Давай так, – очень резко предложил Петя, и девочка вздрогнула, – ты сиди здесь, никуда не уходи. Я сейчас.

Он практически бегом поднялся на третий этаж в свою квартиру, схватил с балкона поджидающий его торт-мороженное и две столовые ложки и спустился вниз. По пути обратно Петя поймал себя на том, что боится, вдруг Снегурочка уйдет.

Но она не ушла.

– Держи – сказал он, протянув ей большую ложку.

– Что это? – спросила девочка тихо. На вид ей было не больше восьми лет.

– Это торт-мороженное, – пояснил Петя и присел рядом. – Ешь, вкуснее ты точно ничего не пробовала. Ты разве не знаешь, что все снегурочки едят торт-мороженное в Новый год?

Девочка очень аккуратно отломала кусочек и положила в рот.

– Вкусно! – удивилась она.

– Конечно, вкусно, – улыбнулся Петя, видя, что девочка успокоилась, и тоже набрал полную ложку мороженого. – Моя бабушка, которая его готовила лучше всех, говорила, что такой торт надо есть непременно столовыми ложками и никак иначе.

– И обязательно в Новый год? – серьезно спросила девочка, отправляя вторую ложку в рот.

– Обязательно. В новогоднюю ночь, если ты хочешь, чтоб твое желание исполнилось, ты должен съесть торт-мороженное, ну, вроде как, задобрить Деда Мороза. – Петр понимал, что девочке надо отвлечься от черных мыслей, а лучшего способа он не знал. – Тебя как зовут?

– Олеся, – тихо сказала девочка, уже окончательно успокоившись.

– А меня дядя Петя, – представился он.

– Я знаю, – покивала она, – вы наш сосед снизу. Мама называет вас Петька-детдомовец.

Он еще раз внимательно посмотрел на девочку. Получается, это дочка соседки сверху, которая постоянно водит мужиков и кутит с ними до утра. Он даже не предполагал, что там еще и ребенок растет.

– Я нарядилась, – начала рассказывать девочка, решив, что они с Петром уже не чужие люди, – мы собирались Новый год с мамкой отмечать, она даже обещала не пить сегодня, так, немного только, но прям перед праздником пришел к ней хахаль, и все, она меня из дому выгнала. А я стих выучила...

От обидных воспоминаний у нее вновь набежали на глаза слезы.

– Так рассказывай мне, – предложил Петр. – Знаешь, я жуть как люблю слушать стихи.

Девочка сначала смутилась, но потом встала и, даже немного улыбнувшись, прочитала стихотворение.

– Дед Мороз, скажи скорее,
Что в мешке ты мне принес.
Может, книжку с Бармалеем,
Или новый паровоз.

Куклу, платье, мандарины,
Мячик и печенье,
Золотые апельсины —
Начинай веселье!

– Теперь твоя очередь, – сказала она Пете.

– Я стихов не знаю, но одна новогодняя песенка в моем арсенале имеется, – усмехнулся он и стал напевать:

– Праздник зимний к нам идет, каждый в мире чуда ждет,
И под елкой притаился дружный хоровод...

Когда песня закончилась, девочка удивленно посмотрела на Петра и сказала:

– Дядя Петя, а будьте моим папой. Понарошку. Просто у всех есть папы, а у меня нет. Так ведь не должно быть, верно? У всех детей должен быть папа. В школе меня все называют недоделанной из-за этого, а я приду после каникул и скажу, что мой папа нашелся, и если кто-то будет меня обижать, он придет и разберется. Пожа-а-алуйста! – на последнем слове маленькая девочка сложила руки в умоляющем жесте.

– Договорились, – сказал Петр, сам от себя такого не ожидая.

Когда девочка заснула, сидя на старых санках и положив ему голову на плечо, Петр подумал, что вполне мог бы быть ее отцом, разница в возрасте у них была лет девятнадцать.

«А может быть, это мой шанс спасти чью-то жизнь? – вдруг подумалось ему. – Чтоб дегенератка-мать не загнала девчонку в пропасть своим воспитанием. Может, это и мое спасение? Как человека, боящегося потерь и оттого страшившегося иметь любую привязанность»

Эти мысли крутились в голове пытаясь сложиться в какую-то действительно достойную теорию, но рассыпались от усталости. Петр решил, что подумает об этом завтра. Сейчас же он точно знал одно: на данный момент эта маленькая восьмилетняя девочка самый близкий для него человек. Его дочь – Снегурочка, пусть и понарошку.

Глава 4

Самое страшное в жизни – одиночество, об этом знают все.

Знают все, но истинный ужас понимают только испытавшие его, при одном только слове у них начинается тихая паника. Я видела, как после смерти отца привыкала жить одна моя мама. Она – человек, выросший в семье, где было восемь детей, впоследствии имевшая и свою большую семью из пяти человек, вдруг осталась одна. В таких ситуациях по статистке морально справляется очень мало людей. Она справилась. Насколько трудно ей было? Желая вам этого никогда не узнать.

Юлия Ефимова «Ненаписанная биография»

Часы показывали 6.30 утра тридцать первого декабря, но Валера уже не спал, он просто лежал в кровати и смотрел в идеально белый потолок. Сейчас он поймал себя на странном ощущении, когда в голове пусто. Мужчина попытался наполнить ее мыслями, но ничего не получалось. Обычно там строились одновременно тысячи планов и задач, а сейчас он просто не мог заставить себя думать о чем-то еще, кроме Леи. Даже мысли о завтраке плавно перетекали в то же по-прежнему больное русло.

Он вспоминал, как она готовила по утрам яичницу-глазунью и очень расстраивалась, когда желтки прожаривались полностью, ведь Валера так любил их намазывать на теплые тосты. Она словно жила для только него, всю свою недолгую жизнь, стараясь сделать своего мужчину счастливым.

Прошло десять лет, а боль все не уходила, она стала тупой, к такой привыкаешь и с ней живешь, деля одну судьбу на двоих, и уже не представляешь без нее своего существования.

Нет, конечно, изменения все же происходят, еще пять лет назад от таких мыслей он бы уже корчился от судорог во всем теле и выл в голос. Сейчас же просто сильно затошнило, и все мышцы напряглись, как перед решительным прыжком.

Надо заставить себя встать и сварить кофе. Любое действие всегда уменьшает боль, действие всегда возвращает в реальность, действие помогает. В первые дни после трагедии именно так он вытягивал себя из бездны.

Сцепив зубы до боли в челюстях, он собрал все мужество в кулак и заставил себя сесть в кровати. Слишком хочется оставаться там, в своей боли и своей трагедии, купаясь в ней и оплакивая и себя, и ее, но это опасно. Потому что может наступить момент, когда никакие усилия тебя уже не заставят подняться, никакие внутренние силы уже смогут вернуть тебя к жизни. Поэтому надо вставать, через не хочу и больно, через черноту и слезы, вставать, чтоб налить себе кофе.

На тумбочке стоял будильник, он был серым, как и все вещи в его квартире. Абсолютно все детали обстановки не подходили друг другу, словно кто-то нарочно собирал несочетаемые товары в одном месте. Но этот диссонанс тоже был не случаен. Уют в квартире напоминал ему о Лее и потому, сразу после трагедии переехав в новую квартиру, он нарочно не стал его создавать, решив, что все должно быть сухо, пусто и серо, по-холостяцки. И вот сейчас некрасивый серый будильник рассказал своему хозяину, что он пролежал, глядя в идеально белый потолок, уже два часа.

– Да, – вздохнул Валера вслух. Он уже давно так разговаривал дома, словно бы проверяя, действительно это или стерильный сон. Иногда ему снились такие, очень похожие на реальность, и он нашел способ отличать их. От звука голоса воздух становился менее тягучим и тоже возвращал в действительность. Вообще возвращение в реальность было его единственным спасением от безумия, и за десять лет он в этом очень преуспел. Валерий Вирут мог читать лекции нуждающимся в этом людям.

На такой же уютной, серой кухне он поставил не менее серую кружку в черную кофеварку и под ее монотонный шум взглянул в окно.

«Почему так тоскливо именно в праздники? – подумалось Валерию. – Наверное, потому, что в такие дни понимаешь, что жизнь – это не работа, жизнь нечто другое, то, что неумолимо проходит мимо, даже толком не начавшись. Жизнь – это смех и слезы, счастье и заветные желания. Жизнь – это эмоции, которые ты можешь получить только от людей. Никакие деньги, даже самые большие, не дают этого ощущения».

Звонок мобильного почему-то сильно испугал, Валера даже вздрогнул, будто ударенный током. Кому он мог понадобиться 31 декабря в восемь утра? И как будто предчувствуя что-то, немного помедлил перед тем, чтоб принять вызов.

– Слушаю, – произнес он.

– Здравствуйте! – мужской голос стал говорить, очень вежливо и очень быстро, словно боялся, что Валера его прервет. – Вас беспокоят из агентства «Друг», вы вчера оставляли анкету на сайте. Вам пришла заявка на работу в Новый год, все данные друга у вас на почте, вы должны ознакомиться, затем или принять заявку, или ее отвергнуть. Клиент проверен, надёжен и все документы нам скинул, так что тут полный порядок. Единственное, если вы в программе подтверждаете свое участие, то вбейте актуальный номер телефона, чтобы мы всегда могли вас отыскать, и отвечайте по возможности нашим менеджерам. Это необходимые меры предосторожности, они служат как для вас, так и для вашего клиента, потому что главное на нашей платформе – это безопасность обеих сторон договора. Я уверен, что наши предосторожности излишни и не понадобятся, но это как с таблетками в отпуск, – хихикнул говоривший. – Взял – не пригодился, и бог с ними, не взял – и тогда обязательно будет повод переживать. До свидания и хороших вам праздников!

Мужчина так быстро говорил и не требовал обратной связи, что после того, как он положил трубку, Валера еще несколько минут стоял с уснувшим телефоном и не мог понять, этот разговор ему померещился, или он был на самом деле.

На электронной почте действительно было сообщение и фото клиента, который решил его пригласить на празднование Нового года. Это была женщина примерно лет сорока с очень яркой внешностью. Белая кожа, рыжие волосы с ровной челкой подчеркивали огромные черные глаза удивительной миндалевидной формы. Женщина на фото сидела в большом кожаном кресле, какое обычно украшает кабинеты руководителей разных мастей, и цепко смотрела в экран фотографирующего ее смартфона. Если бы Валерий встретил ее на улице, то ни за что бы не поверил, что такой красавице не с кем отмечать праздник. Да, не молода, но сколько шарма и достоинства в этой женщине! Такую энергетику невозможно было не почувствовать, и ее сила передавалась даже через экран монитора.

– Ну, значит, и у тебя что-то сломалось, – сказал Валерий незнакомке и нажал кнопку «принять заказ».

В этот момент ангел Эммануил, уже вовсю озабоченный судьбой своей новой подопечной, облегченно вздохнул: появилась надежда на то, что все получится. Такого Нового года у него еще не было никогда. Хотя, может быть, потому что он очень молодой ангел и только учился творить чудеса.

Глава 5

В чужой жизни мы знаем все. Как правильно поступать, что прощать, а что нет. При этом в своей поступаем полностью наоборот, мотивируя словами – «это другое, вы не понимаете». Я чувствую это очень остро и стараюсь критически смотреть на себя, хотя, может быть, логичнее было бы проще смотреть на других.

Юлия Ефимова «Ненаписанная биография»

Жанне вдруг стало страшно. Так страшно, словно бы она точно знала, что впереди ждет невысказанное горе. И вроде бы все было хорошо, зимняя дорога простиралась между огромных подмосковных елей, рядом с ней за рулем дорогого по ее меркам авто сидел мужчина, который в последнее время занимал все ее мысли. Но предчувствие беды плотно поселилось внутри.

Скорее всего, дело было в посеянном подругами сомнении относительно Руслана. Хотела она того или нет, но именно с их слов Жанна стала рассматривать все его поступки под другим углом, вдруг сняв розовые очки.

Назойливая мысль, что подруги возможно правы, нет-нет да и возникала в голове. Действительно, что она знает об этом человеке? Да практически ничего. Жанна познакомилась с ним на улице, банально и пошло, но это было именно так. Надо сказать, сначала он ей очень не понравился.

Это случилось месяц назад. Заметив пару лишних килограмм, Жанна взяла абонемент в спортзал, но посещать данное заведение времени по-прежнему не было. В один из дней, когда все-таки ей удалось туда выбраться, они и встретились.

Девушка стояла и пыталась найти в багажнике старенького внедорожника, что ей удалось купить после того, как ее повысили, сумку со спортивными вещами. Именно в этот момент футбольный мяч на скорости влетел в открытую дверь багажника.

– Девушка, можно заберу свой мяч? – радостно улыбаясь, спросил мужчина, одновременно угрожая кулаком хохочущим в стороне друзьям.

– Вы это сделали специально! – возмутилась Жанна. – А если бы попали в меня?

– Не переживайте, я форвард первого класса и бью точно в цель, – он был очень доволен собой и без разрешения уже забрался с ногами в багажник. Нахальство и беспардонность мужчины, с какими он командовал в ее машине, вывело Жанну из себя:

– Вы что творите?! – закричала она. – Выбирайтесь сейчас же из моего багажника!

– А что у вас тут, сабля? – вместо ответа послышался голос.

Жанна вспомнила, что когда ее полгода назад назначали начальником, то вручили саблю из хрустала наполненную каким-то, как выразились дарители, супердорогим коньяком. Девушка, не употреблявшая крепкие спиртные напитки, закинула в машину неактуальный подарок и благополучно о нем забыла.

– Не трогайте там ничего! – прикрикнула Жанна и зачем-то тоже полезла в багажник. Видимо, это и стало причиной того, что машина, не поставленная девушкой на ручник, начала медленно катиться по наклонной дороге, уходящей на паркинг спорт-комплекса. Дальше был удар в стену паркинга, скрежет капота, и незнакомый мужчина оказался в неприличной близости к Жанне.

– Это все из-за вас и вашего глупого любопытства, – произнесла она уже не так раздраженно.

– Не наговаривайте на меня, – он нагло посмотрел на Жанну и улыбался. – Это все от вашей глупости. Как можно не поставить машину на ручник, зимой, когда все тротуары как

стекло, да еще и перед спуском в паркинг? А точно, – он кривлялся, пытаясь задеть ее, – когда ты девушка, то вполне можно.

Пусть и хамские, его слова почему-то перестали казаться таковыми, Жанна счастливо улынулась, словно бы он ей сделал изысканный комплимент, а не язвительно уколел. Мужчина, же не замечая глупого выражения девушки, очень быстро выбрался из машины и исчез, даже не предложив помочь с машиной.

После этого происшествия Жанна зачастила в этот спорт-клуб, пытаясь застать незнакомца и все-таки вычислила дни и часы, когда он в компании своих друзей играет в футбол.

Как только вдалеке она замечала уже обожаемого ею мужчину, то тут же пыталась заигрывать и стрелять глазками. Но, к ее разочарованию, все усилия казались тщетными – мужчина даже избегал Жанну, делая вид, что они вовсе не знакомы.

Все изменилось десять дней назад. Объект тайного обожания вдруг сам подошел и, видимо, не желая терять время на реверансы, пригласил в спорт-бар. Ухаживания были какими-то стремительными и скомканными, но она продолжала пребывать в розовых очках и ничего плохого не замечала.

Спорт бар? Ну и что, это тоже своего рода ресторан. На свиданиях он в телефоне? Но ведь человек работает! И так далее... Женщины вообще чемпионки по оправданию мужчин, в этом им нет равных. Фраза мужика из анекдота: «Милая, ну, ты же у меня умная, придумай что-нибудь», когда он возвращается пьяный и весь в помаде, скорее всего не была придумана, а взята из жизни.

Сейчас же, наблюдая рядом злого и растерянного Руслана, Жанна вспомнила его нежелание зайти к ней на чашечку кофе, которое сейчас казалось подозрительным. Мысль, что каким бы ни был порядочным мужчина, если он влюблен, то априори должен был воспользоваться приглашением, монотонно уже разбивала остатки розового стекла. Сейчас Жанне казалось, что все их знакомство было подчиненно только одной теме – встрече Нового года. Первое, что он спросил, когда все же обратил на Жанну внимание, было: «Давай вместе встречать Новый год?». Об этом же они говорили на первом, на втором и на третьем свиданиях, которые уместились в совокупности в три часа.

Когда темнота на улице уже стала непроглядной, а сосны почему-то вызывали не новогоднее настроение, а ужас, в конце узкой дороги показался свет. Он был настолько долгожданным и радостным, что Жанна громко выдохнула и даже немного разжала кулаки.

– Прошу тебя, – истолковав ее вздох по-своему, сказал Руслан, – больше молчи, меньше говори и сойдешь за умную.

Он и раньше с ней разговаривал в таком тоне, но Жанне казалось это даже милым, сейчас же «сойдешь за умную» страшно резануло слух. А ведь он даже не знает, где и кем Жанна работает, за все десять дней знакомства он не нашел ни времени, ни причины поинтересоваться ее жизнью. Раньше она думала, что он влюблен, и поэтому ему все равно, чем занимается твоя девушка, но сейчас Жанна отчетливо поняла, что ему попросту на нее плевать. Тогда зачем она здесь?

Страх сдавил горло, и Жанна вдруг почувствовала себя рождественским гусем, которого купили, кормили и ухаживали только для того, чтоб запечь и съесть в сочельник.

Они подъехали к огромному светящемуся разными огнями дому и свернули к стоянке, на которой уже стояло три автомобиля.

– Так, первое: папа Петя – мой приемный отец. У него куча тараканов и правил, потому не старайся понравиться, просто молчи. Еще будут два брата, они тоже приемные – Тарик и Модест. Будь осторожна, у Тарика на лице огромный шрам от ожога, не смотри на него пристально и не спрашивай, откуда и почему он не делает операцию, он очень психует от таких вопросов. Модест у нас самый младший, ему тридцать шесть, и он красавчик. Даже не вздумай заигрывать с ним, опозоришь меня, – он сказал это совершенно спокойно, без тени ревности. –

Еще есть сводная сестра Олеся. Но самое главное – здесь будет моя бывшая жена, язва редкостная. Вот с ней можешь не церемониться, отвечай резко и по полной программе, я даю тебе карт бланш. Увидишь ярко-рыжие волосы и злющие глаза – знай, это она, не ошибешься. – Тут Руслан вздохнул: – Хотя с этой бесполезно состязаться в злословии, как питон проглотит и не заметишь. Короче, просто молчи и не позорь меня.

От такой новости у Жанны сердце замерло. «Как жена? Зачем жена? Я не хочу никакую жену». Жанне очень захотелось к подругам, в старую съемную квартиру с шампанским, елкой и президентом в телевизоре. Чтоб сторевшее желание в бокале и караоке с надрывом. Девушка даже стала оглядываться по сторонам. Но ее глупый выбор обуви ставил на желании сбежать огромный крест. Сыграло злую шутку мамино наставление – будь всегда женственной.

В своих туфельках на высоком каблуке, на которые девушка решила исключительно ради Руслана, она чувствовала себя очень глупо и уязвимо. А ведь дома у зеркала блестящее синее платье, тонкие капроновые колготки и туфли, так удачно подчеркивающие ее ножки, казались ей пределом красоты. Она даже решила не переобуваться в сапоги, рассудив, что до дачи Руслана, на которую он ее пригласил, она потерпит, в конце концов, красота требует жертв, да и путешествие предполагалось на автомобиле, поэтому между красотой и комфортом Жанна выбрала первое.

Сказав все, что считал нужным Руслан, не дожидаясь ее реакции, молча пошел к дому. Жанна же, мелкими шажками направляясь к ярко украшенному входу, чувствовала себя курицей, случайно попавшей в королевский дворец. Пуховик пусть сам по себе и не плохой, надетый на вечернее платье, только добавлял ситуации комичности.

Руслан обернулся и оглядел Жанну с ног до головы.

– Ты что, одеться нормально не могла? – сказал он в сердцах и махнул на нее рукой. – Надеюсь, все сработает, – пробормотал он себе под нос и пошел к огромному входу с колоннами и статуями, даже не предложив руку скользящей в своих туфельках девушке.

«Домой», – решила Жанна. На трассе она видела остановку, можно попробовать до нее дойти. Еще не так поздно и, возможно, даже удастся поймать попутку или вызвать такси. Хотя кого она обманывает, какая попутка тридцать первого декабря в семь вечера? Да и такси сюда, скорее всего, не поедет, а она в туфлях и шелковом платье. Пока Жанна стояла и размышляла сбежать или нет, в кармане куртки пикнул мобильник.

«Жанна, привет! – писала подруга Сонечка. – Мы с Марьяной очень переживаем за тебя. Ты поехала со своим маньяком или все-таки одумалась? Мы всегда готовы приехать к тебе отмечать Новый год. Ты только позвони Марьяне и попроси прощение за свое недостойное поведение, но не говори, что это я тебя надоумила. Она очень сердится на тебя».

Жанна еще минуту назад решившая в туфлях бежать отсюда на все четыре стороны, решительно произнесла вслух: «Не дождетесь» и, чеканя шаг, зашагала к двери, за которой уже скрылся Руслан.

Ангел Эммануил, желая хоть как-то помочь девушке, бросил ей под ноги горстку свежего снега и зажмурился, когда его подопечная полетела с высоты своих каблуков прямо на тротуарную плитку. «Прости, – прошептал он ей тихо. – Человеку трудно понять, но иногда падение – это победа». Он прекрасно понимал, что девушка его не услышит.

Глава 6

Еще вчера «друг на час» это был бред, сегодня – еще стыдная, но уже реальность. Страшно, что все, над чем мы когда-то смеялись, так быстро входит в нашу жизнь и становится нормой. В детстве я всегда пила воду из-под крана, и было невозможно поверить, что людям в будущем придется платить за воду и воздух.

Воду покупаю каждый день.

Юлия Ефимова «Ненаписанная биография»

Валерий Вируот сидел в чужом загородном доме с незнакомыми ему людьми и сам не понимал, как он сюда попал. Все так быстро закрутилось, что мужчина не успевал осознавать происходящее. Ему казалось, что все это кино, куда его пригласили по недосмотру глупого режиссёра статистом. Происходящее вокруг ощущалось каким-то ненастоящим, даже люди, вроде внешне нормальные люди, абсолютно все вели себя крайне странно.

«Здесь что-то другое, – подумал он. – Что-то не логично».

А ведь начиналось все вполне понятно и объяснимо.

Когда они утром встретились, красавица Тамара была вежлива, но холодна. Нет-нет да проскальзывали в ее голосе нотки, после которых не оставалось никаких сомнений – женщина руководитель. Их Валера чувствовал, потому что любил принимать таких к себе на работу. Они требовательны к подчиненным и не менее требовательны к себе.

– Понимаете, – пыталась подобрать слова Тамара, видимо, чтоб не напугать Валеру раньше времени, – мне нужен не просто друг. Мой папа болел, и вот он пришел в себя и приглашает всех детей на празднование. Новый год в нашей семье знаковый праздник, и мне хочется его порадовать. Папа всегда хотел, чтоб я нашла себе достойного мужчину. Я прошу вас, подыграйте мне. Не беспокойтесь, все в рамках договора с одним лишь измененным условием, что мы с вами должны показаться окружающим парой. Если надо, я доплачу, – добавила она поспешно.

Валера слушал ее молча, он в принципе не привык принимать решения, не обдумав их хорошенько, а за последние два дня сделал это огромное количество раз.

– Вы вправе отказаться, – сказала Тамара, – только прошу вас, пожалуйста, решайте быстрее. Мне к семи вечера надо найти приличного человека, папа видит людей насквозь.

Валера не знал, то ли на него повлияла неприкрытая лесть, то ли ему стало жаль эту красивую и растерянную женщину, а может, и попросту оттого, что дома его ждала пустота и серость с бокалом вина и надоевшими артистами в телевизоре, но он, готовый уже сказать «нет», вдруг вымолвил:

– Только никаких физических контактов, даже поцелуев и объятий.

От взрослого тридцатишестилетнего мужика это звучало, скорее всего, глупо, но Тамара обрадовалась его ответу и со вздохом произнесла:

– Это только к лучшему. Папа не приветствует проявлений чувств на людях, говоря, что личное должно оставаться за закрытыми дверями спальни. Поэтому можете не переживать. Давайте тогда знакомиться. Простите, я буду записывать, мне так легче запоминать информацию, а вы, если хотите, можете сделать то же самое. – Она забралась в свою сумочку и, покопавшись там, достала листок и ручку для Валеры: – Вот. Записывайте, так проще.

Вместе с прочим содержимым из сумочки вывалился шокер.

– А это тоже для меня? – улыбнувшись, спросил Валера.

– Ну, я вас тоже боюсь, вдруг вы маньяк, – ответила Тамара серьезно, но тут же спохватилась и с улыбкой добавила: – Но обещаю его не применять, если это не так.

– Договорились, – кивнул Валера и приготовился записывать.

– Будем задавать друг другу вопросы и отвечать на них в режиме блица. – В каждом ее действии читалось умение управлять любыми процессами, но раз Валера находился здесь, видимо, не совсем любыми, с личными у женщины определенно были проблемы. – Давайте я начну. У нас не совсем обычная семья. Папа Петя нам не родной, да и между собой мы все чужие люди, но он воспитал нас, и мы ему за это очень благодарны. Он требователен и приверженец семейных традиций, некоторые из которых могут показаться вам странными. Главный постулат – папа всегда прав. Он может решить любую проблему, папе можно и нужно доверять.

Тамара говорила, словно бы воспроизводила заученный текст, быстро и даже соблюдая нужные запяты.

– Нас пятеро, и у каждого есть домашнее имя. Я, например Шамаханская царица. Мой бывший муж Руслан – Воевода, мы из одного детского дома, там старались держаться вместе. Потом папа Петя нас обоих к себе взял, и знаете, мы привязанность перепутали с любовью. Естественно, ничего не получилось, и мы развелись без претензий друг к другу, оставшись приемными детьми одного отца. Еще есть Снегурочка по имени Олеся, она звезда, певица, сейчас, конечно, не столь популярная, как двадцать лет назад, но все же. Два брата: Буратино – это Тарик, неудачник и алкоголик, и Робин Гуд по имени Модест, очень умный и красивый мальчик. Хотя о чем это я, этому мальчику уже тридцать шесть, как и вам. Просто он у нас младшенький и потому навсегда останется маленьким мальчиком. Сейчас это уже красивый и умный мужчина, который пользуется популярностью у противоположного пола.

– А мама? – почему-то спросил Валера. Было очень странно, что женщина говорит о своей, пусть и приемной семье в урезанном составе. Никто бы не дал одинокому мужчине усыновить столько детей.

Вопрос Тамару явно смутил, она растерялась и, не ответив ему, быстро сменила тему.

– Почему вы выдвинули условие о прикосновениях, я настолько непривлекательна? Хотя я и старше вас на шесть лет, но мне кажется, это не критично. Я не в вашем вкусе? Вы другой ориентации или, может быть, женаты? В анкете такой информации не было.

– Моя жена погибла десять лет назад, и я ей верен, – честно ответил Валерий и внимательно взглянул на собеседницу, пытаясь увидеть насмешку в ее глазах, но там лишь проскользнула радость победы.

– Замечательно, – сказала Тамара что-то записывая на листке. – Простите! – тут же спохватилась она. – Я не о вашей потере, искренне вам сочувствую, а сказала это потому, что не ошиблась в вас. Папа будет доволен. Только для него дополним версию, что я вернула вам желание жить дальше. И еще, – добавила она настойчиво, – нам с вами пора перейти на «ты». Давай, твоя очередь интересоваться мной.

– Почему Буратино, Снегурочка, Царица, Робин Гуд и этот, как его... – Валера пощелкал пальцами, сделав вид, что забыл прозвище мужа, чтоб понять ее отношение к нему.

– Воевода, – дополнила она бесстрастно.

– Точно.

– У нас есть семейная детская песенка, это были ее герои, так нас папа Петя и называл, – сказала Царица.

Дальше последовало множество вопросов и ответов, и время до шести вечера пролетело незаметно.

Прежде чем отправиться к заказчице, Валера заехал в офис и, оставив свой автомобиль премиум-класса, пересел на маленькую машину фирмы для курьерской доставки документов. Но Тамару, у которой на парковке тоже стоял премиальный автомобиль, не смутила машина Валеры.

– Едем на твоей, – сказала она решительно. – Я выбрала тебя за ум и благородство, ты не альфонс, чтоб ездить на моем авто. Ты гордый и хоть зарабатываешь меньше меня, но очень целеустремленно идешь вперед.

Все это она как бы проговаривала для себя, объясняя выбранную ею версию, но чем больше женщина тряслась, по сто раз озвучивая информацию, тем меньше Валере все это нравилось. Ну не может дочь так бояться отца, будучи сорокалетней, вполне самостоятельной женщиной, здесь что-то другое. Или, может, все дело как раз в отце?

В дом папы Пети они с Тамарой приехали первые – гостевая парковка пустовала. Тяжелая входная дверь коттеджа, больше похожего на замок, была не заперта, и Тамара по-хозяйски распахнула ее.

– Нам сюда, – бросила его спутница, направившись к огромному дивану тут же в холле. – Что будешь пить? – осведомилась она, зайдя за барную стойку, которая выглядела здесь чуждо.

Сразу бросилась в глаза, что они, приехав в дом к родителю, которого, с ее слов, она не видела так долго, они не прошли к отцу поздороваться, не разместились в спальне, а словно бы сели в комнату ожидания.

– У нас в семье такие традиции, – будто бы прочитала его мысли Тамара.

– В чем смысл? – спросил Валера, оглядываясь. Ему всегда казалось, что дом может сказать о хозяине все, и он попытался сейчас прочитать папу Петю, о котором не знал ничего, но вопросов становилось только больше.

– В том, что входить к нему мы должны все вместе, – неуверенно ответила Тамара и словно бы сама не очень понимала, зачем все это. – Сейчас все соберутся, и ровно в семь мы пойдем к папе.

– У него нет охраны? – удивился Валера. – Ворота были открыты, двери тоже, и на территории я тоже никого не заметил.

– У него есть охрана, – неохотно ответила Тамара, – но лучше об этом не говорить, – добавила женщина поспешно и мельком посмотрела на потолок, но Валере показалось, что сделала она это не просто так.

Он хотел задать еще пару вопросов, но дверь открылась, и вместе с холодным воздухом к ним присоединились мужчина и женщина. По описанию это был Тарик с большим шрамом от ожога на лице и Олеся – популярная певица начала двухтысячных. Валера не был, что называется, меломаном, и хоть Тамара утверждала, что Олеся была знаменитостью, вспомнить ее не смог. Но так как сестра была одна, вариантов для предположений не оставалось.

– Кто бы сомневался, – весело поприветствовал Тамару Тарик. – Царица как всегда первая. Тебя саму не тошнит от собственной педантичности и пунктуальности?

Мужчина был явно уже подшофе, и хоть на лицо у него спускались длинные пшеничные волосы, они не могли скрыть изуродованную ожогами кожу.

– Здравствуй, Царица, не обращай внимания на Тарика, уже празднует, – устало произнесла его спутница. Она была приблизительно того же возраста, что и Тамара, но совершенно другого типажа. Это была русская красавица с белой кожей, голубыми глазами и красивыми белыми волосами явно натурального цвета. Валера не узнал в ней певицу, возможно потому, что не увлекался никогда попсой.

– Привет, Снегурочка, – ответила ей мягко Тамара и тут же жестко, но тихо сказала мужчине: – А ты, Буратино, мог бы хоть сегодня воздержаться. Папа нас давно не видел, ты думаешь, ему приятно будет тебя такого лицезреть?

– А вы не смотрите на меня! – рявкнул он ей в ответ. – Вон, одна моя любимая сестренка очень дельный совет дала – не обращайтесь внимания. Она уже очень давно так делает и при этом прекрасно живет. Я сдохну, а она и не заметит.

Тут он словно бы только что заметил Валеру и, подойдя к нему, протянул руку.

– Приветствую! Сегодня зовите меня Буратино, традиция, понимаете ли, – пояснил он и по-клоунски поклонился.

– Валерий Вируот, – пожал протянутую руку Валера и, стараясь сгладить впечатление, добавил: – Простите, новогоднего псевдонима не имею.

– А тебе и не надо, – махнул на него рукой Буратино, – это наши семейные тараканы, не обращай внимания. Если честно, – начал он доверительно, но не договорил, дверь вновь распахнулась, и в нее вошел красавец, словно сошедший с обложки глянцевого журнала.

Мужчина не только был стильно и модно одет, но еще и чертовски красив. Длинные, как у Бандераса в молодости, волосы, черные и волнистые в совокупности с огромными темными глазами и греческим профилем создавали поистине яркий образ мачо. Он был, по словам Тамары, ровесником Валеры, но выглядел в сто раз лучше, и это почему-то сильно его задело, хотя раньше он вообще не обращал внимания на подобные вещи.

– А вот и Робин Гуд, прискакал на белом коне, – хмыкнул себе под нос Буратино и залпом осушил только что налитый бокал виски.

Вошедший красавчик поздоровался с женщинами, одарив их обеих комплиментами, и подошел к стоящим у бара мужчинам.

– Зачем бухаешь? – вместо приветствия тихо, но очень грубо сказал он Буратино. – Один день потерпеть никак?

– А ты мне не указ, – вспыхнул тот сразу. – Или боишься, что у меня пьяного язык развяжется? Не бойся, я слишком люблю деньги, даже в очень пьяном состоянии.

– Не носи чушь. – Было видно, как у двойника Антонио Бандераса заходили желваки. – Папа Петя... – начал он, но Буратино не дал ему закончить и, отмахнувшись от красавчика и прихватив свой бокал, демонстративно ушел в другой угол комнаты.

– Валерий Вируот, – в этот раз он решил представиться первым и протянул рассерженному красавчику руку.

– Модест, – ответил тот, окинув Валеру надменным взглядом. Он без интереса ответил на рукопожатие, продолжая испепелять взглядом отошедшего в сторону Буратино.

Дверь вновь открылась, и на пороге появился еще один мужчина.

– Всем привет! – как-то уж очень наигранно поприветствовал он присутствующих. – Слава богу, успел, так гнал, дорога просто каток.

– Очень странно, но ты, Русланчик, действительно первый раз не опоздал, – зло сказала Тамара, и Валера отметил, что этот мужчина ей не безразличен, но неостывшая это любовь или уже чистая ненависть, пока было не понятно.

– Ты никогда в меня не верила, – упрекнул ее тот беззлобно, снимая с себя дубленку. – Две минуты еще, я даже успею выпить с Буратино, – и взглянув в сторону Валеры, не стесняясь, добавил: – А твои жигало заметно пообтрепались, стареешь, Тамарка. Где лоск, где стиль, где, в конце концов, молодежь?

– А свою ты, смотрю, даже приводить постеснялся, – парировала Тамара, но было видно, что слова бывшего мужа ее задели.

Надо признать, что женщина к нему все еще равнодушна, хоть и убеждала сегодня Валеру в обратном. От этих выводов стало нехорошо на душе, напротив, словно он вляпался в грязь, пусть не свою, но все равно неприятно. Может, ну его, все это, взять сейчас и уехать, все эти глупые штрафы сайту «Друг» он заплатит, даже не заметит, и удаление с платформы его только посмешит, зато не будет пачкаться во всем этом.

Но прийти к однозначному решению не получилось – в дверь вломилась, именно вломилась, а не вошла девушка, которую, судя по ее виду, сбила машина. Каблуки, были сломаны и тащились следом за туфлями по-прежнему чем-то еще соединяясь с обувью. Колготки были порваны, а из разбитых коленок текла кровь. На лице тушь и помада, растекшись, видимо, от снега и слез, соорудили маску клоуна.

– Русик, я упала, – произнесла она, и было видно, что девушка очень старается не реветь в голос. – Где можно привести себя в порядок?

– Дура, – тихо, но очень обидно высказался мужчина. – Надо же было так ошибиться.

– А нет, вижу, ты все же привел к папе Пете свою фею, – в голос засмеялась Тамара, и Валерию стало неловко за нее. Девушка сейчас была мало того не на своей территории, так еще и в очень уязвимом положении.

Падать всегда стыдно, вот, казалось бы, человек не виноват, гололед или другая причина, он трезв и вменяем, он упал не зависимо от своих желаний и возможностей, ну, с кем не бывает. Но почему-то именно падение всегда вызывает стыд, словно бы вместе с телом падает и достоинство.

Вошедшая девушка стояла и тихо плакала под равнодушными или насмешливыми взглядами посторонних людей. Было видно, что она просто не может сдерживать эти несчастные слезы, что катились по ее щекам, и Валере почему-то казалось, что они вызваны не болью, а унижением.

В этой паузе часы, висевшие в пролете широкой лестницы, стали громко бить.

– Семь! – сказала испуганно Олеся Снегурочка.

Бывший муж, Руслан Воевода с мольбой посмотрел на Тамару.

– Придумай что-нибудь, – одними губами прошептал он, и Валере подумалось, что еще секунду, и он рухнет перед ней на колени. Видимо, этот мужчина привык, что бывшая жена может решить все, и в который раз обратился к ней за помощью.

– Валерий, – позвала Тамара и, когда он подошел, быстро заговорила: – Помоги, дорогой, пожалуйста.

От обращения «дорогой» Валеру передернуло, только Лее можно было так его называть. Но он постарался взять себя в руки.

– К папе опаздывать нельзя, но это правило распространяется только на нас, вы с этой дамой гости, и вам можно задержаться. В конце коридора, – она указала рукой, – туалетная комната, больше похожая на гримерку. При желании она даже колготки может там найти, – на этих словах Тамара сморщилась. – Дамочка, смотрю, совсем ни на что не способна, проконтролируй, чтоб она не так удручающе выглядела.

Последние слова Тамара договаривала, уже поднимаясь по лестнице.

– Ненавижу, когда что-то идет не по плану, – сказала она уже тихо своим братьям и сестре.

Когда они впятером, с напряженными лицами скрылись из вида, Валера в очередной раз подумал, здесь кроется что-то другое. Что-то здесь не так.

Дневник

Воспоминания Петра Петровича Проханова

Москва

31 декабря 1992 года

Буратино.

– Рыночная экономика, мать ее, – сказал в сердцах Сенька, войдя на огромную кухню ресторана Метрополь. – Расплодилось всякого быдла.

– Что, опять какой-то в красном пиджаке заставил кланяться? – со вздохом догадался Петя. – Не обращай внимания, такие потом больше на чай дают.

– Ну, это если не пережрут, – уточнил Сенька. – Куда страна катится, ужас. На Кавказе все горит, в магазинах ничего, палатки заволокли все тротуары, а там цены просто космос. Ты вот, Петр, куда свой ваучер дел? – вдруг заинтересовался коллега.

– Никуда, лежит пока, – усмехнулся он в ответ.

– А я свой продал за копейки и шарфик себе мохеровый у челноков купил. Получается, все, что мои деды строили, копили, создавали – я продал за шарфик. Родину продал за шарфик, представляешь?

Петя понимал возмущение Сеньки. Вся жизнь вокруг рушилась со скоростью мчащегося на полном ходу локомотива. Все, что было святым и нерушимым, в один миг обращалось пылью, а то, что еще вчера порицалось, возводилось в ранг достижений. Народу было трудно это принять, и многие, вот как сегодня Сенька, слетали с катушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.